

Миф о Сизифе глазами пятнадцатого, пока неизвестного,

или

Некоторые мысли о любви и не только в трех каплях "Хрустальной слезы"

Вместо эпиграфа

Кто из древних не ведал когда-то о безмятежной жизни под небом счастливой страны Аркадии? Жил в ней вместе со своими прекрасными дочерьми могучий титан Атлант. Не вмешивался он в дела богов, ибо знал и ведал наперед, что не любят сильные мира сего тех, кто мудрее их...

Семь дочерей — семь красавиц плеяд было у Атланта. Шестеро из них, чуть ступая сумерки, затевали в мерцающей звездной игре. А седьмая их сестра — печальная Метропа садилась одна над глубоким ущельем и окутывала лицо шалью из тумана.

Говорили, что полюбила Метропа солнечного титана Сизифа, но нахмурил ей кто-то, будто смертен был Сизиф. И до того стыдился плеяды своей любви к смертному, что вечной была ее печаль. Знал об этом Сизиф. Немало пришлось ему претерпеть от коварства богов. И задумал он тогда перехитрить Смерть. Связал явившегося к нему в урочный час демона Таната и продлил свой земной срок... Оценили боги Олимпа дерзость титана и даровали ему бессмертие. Только не в жизни земной, а в жизни загробной. Катил он теперь в гору огромный камень-солнце. Да не в гору вовсе — в небо. И у самой вершины срывается тот камень и летит к подножию горы. А усталый, измученный Сизиф вновь и вновь пытается достичь невозможного. Бросить бы тот камень — поверить, что нет на свете силы могущественней силы божественной. Только правда ли это? И почему вот уже много веков не гаснет тускло мерцающая в созвездии Плеяд звезда печальной Метропы, пытающейся поведать людям свою повесть о Вечной Любви?

«Хрустальная слеза».

Капля первая

Сознаюсь сразу: я не помню, как открывался в Магнитке этот фестиваль. И не помню по очень простой причине — меня на его открытие не было. Просто, побывавшие в тот вечер на очередном театральном кинопросмотре знакомые вдруг сообщили, что в городе открылся кинофестиваль. Потом у него появилось что-то вроде рабочего названия — «И жизнь, и слезы, и любовь...», потом один за другим стали прибывать фильмы-участники, определившие окончательное имя этого пятнадцатого, пока мало кому известного и, говорят, единственного в своем роде фестиваля киномелодрамы — «Хрустальная слеза».

О том, насколько разными были представленные на нем фильмы, можно было судить уже по их названиям. А что касается самого определения жанра киномелодрамы, то тут вообще сразу возникли многочисленные вопросы. Например, как могли оказаться в одном ряду наивная до недоумения «Эта женщина в окне» и философский «Макаров»?

Правда, зрителей, прошедших 20 вечеров в зрительном зале драмтеатра, скорее всего волновали вопросы более насущные: есть ли еще у нас в России хорошее кино? Не вымерло ли оно вместе с разломанными в одночасье былыми ценностями? Не эмигрировало ли в поисках лучших условий для реализации творческого потенциала своих создателей?

Думаю, каждый нашел на них свой ответ. Кто-то в течение всего фестиваля. Кто-то, подобно мне, в дни финала, состоявшегося в начале декабря. А редкой гостьей на конкурсных просмотрах я была вовсе не по причине скептического отношения к отечественному кинематографу. Просто уж очень не располагали события нынешнего года ни к «киношным», ни к «театральным» настроениям. «Как в кинотеатре» — это ведь выражение, порожденное людьми, уставшими от жизненных неурядиц.

Хочу поделиться и еще одним печальным выводом, сделанным в последние годы: «демократизировавшееся» до предела искусство по жестокости, хамству и кровопролитию сцен уже переиграло жизненную правду. Поэтому первой несомненной удачей «Хрустальной слезы» было отсутствие среди фильмов-конкурсантов работ, оставляющих по себе удручающе беспросветное настроение.

Впрочем, при всей смутности современного определения жанра мелодрамы, этот ее признак, к счастью, кажется, остается неизменным — слезы, пролитые зрителями, не должны быть

горькими от безысходности. Ибо от безысходности к ожесточению — один шаг...

Из ответов на пресс-конференции

Вопрос: **Даже по тем четырем фильмам, которые вышли в финал «Хрустальной слезы», можно судить о том, насколько разноплановыми были картины, объединенные фестивалем кино-мелодрамы. Какой же критерий сегодня определяет этот жанр?**

Георгий КАПРАЛОВ — кинокритик и кинодраматург:

— Мелодрама — это всегда открытость страстей, доведенных до взрыва. Борьба добра и зла, красоты и уродства... Любовь — это еще не мелодрама, это просто социально-психологическая драма, даже очень острая и блестяще сыгранная. И мелодраму ни в коем случае нельзя приравнивать к «мыльным операм». Они не сопоставимы, хотя в последних, действительно, есть мелодраматические моменты. Не случайно весь мир рыдал над «Богатыми, которые тоже плачут», а Папа Римский и наш Президент вручали премии исполнительнице главной роли. Но сегодня этот сериал почти забыт, а серьезной критикой он вообще не обсуждался, потому что в «мыльной опере» мелодрама выходит за барьер художественности, опускаясь до пошлости, в которой теряется искренность чувств...

Валерий ТУРОВСКИЙ — кинокритик:

— Мелодрама на сегодня, по-моему, самый «размытый», самый нечеткий жанр... Все, на мой взгляд, очень просто — все очень индивидуально. Это находится за границей кинокритики, киноведения. Это — в границах физиологии: когда подступает комок к горлу или не подступает, трогает или не трогает, забирается в душу или не забирается, все остальное — подробности...

«Хрустальная слеза».

Капля вторая

Любовь, возможно, и в самом деле перестает быть одним из главных слагаемых сюжета мелодрамы. Впрочем, смотря какая любовь имеется при этом в виду. Ведь, в конечном итоге, все лучшее в нас — от любви к миру, все худшее — от любви к себе. И «комком к горлу» может подступать по разным причинам.

Хотя слезы вообще вещь необъяснимая. Особенно те, что вызваны вдохновением художника. И потому не стоит торопиться мотивировать успех на фестивале фильма Елены Цыплаковой «На Тебя уповаю» болем самой его темы — брошенные дети. В любой редакции газеты вам, не задумываясь, ответят, что тема эта из категории «верняк» — такой материал наверняка прочитают и запомнят, даже если автору не очень достанет мастерства. Это точно. Мне самой довелось как-то познакомиться с этой темой. Скажу откровенно, я скоро «сломалась». Нужны недюжинные силы и очень крепкие нервы, чтобы несколько раз подряд побывать в наших детских домах и домах ребенка, послушать многочисленные истории их обитателей и своими глазами прочесть «отказы», написанные теми, кто произвел этих малышей на свет. Брошенные дети не взрослеют — они стареют. В их глазах появляются мудрость и какая-то отрешенность.

В картине Цыплаковой, при всей ее художественности, есть эта документалистика. И совершенно отсутствует «спекуляция» на чувствах зрителя. Сюжет, обогранный не раз нашими сценаристами и драматургами, в котором мать бросает новорожденного, а позже, раскаявшись, пытается найти его, приобретает здесь новый поворот — найти своего сына героиня фильма, изумительно сыгранная Евгенией Добровольской, никогда не сможет, оборваны все нити. И эта вечная неизвестность мучительней самой страшной кары. На Тебя уповаю... На того, кто сильнее и мудрее меня. Ведь русский народ всегда был и остается народом Богоматери — заступницы. У нее, а не у Христа искал он всегда защиты в своих молитвах. Народ-дитя, который, не раз познав ужас предательства, продолжает надеяться на чудо в своей судьбе.

Правда, время перекроило наше представление о чудесах. Истории о честных комсомольцах и порядочных коммунистах, в труде и в бою выковавших свое право на счастье, остались на старой киноленте и трогают сегодня большинство из нас, пожалуй, лишь как ностальги-

ческие воспоминания о безвозвратно ушедшем прошлом.

А к сегодняшней боли мы постепенно приучаемся относиться с юмором и фантазией. Хорошо обставленные многоквартирные квартиры сменились теперь на экранах однокомнатными малометражками, в которых живут нищие инженеры и врачи. Мечтают они теперь не о справедливости и мире во всем мире, а о работе в совместных предприятиях и командировках за границу. Как грезят об этом герои фильма Дмитрия Астрахана «Ты у меня одна». И когда Марина Неелова горько плачет в забитой до отказа домашним скарбом комнатухе многоэтажного дома от беспросветности существования, становится действительно не по себе за всю эту нашу пожизненную неустраиваемость, в которой мы еще каким-то чудом умудряемся любить, творить и, вообще, существовать...

Эта лирическая комедия о нескольких днях из жизни обычных «старых русских», уповающих то на чудо, то на providение, а, в конце концов, только на собственную предприимчивость, была, пожалуй, самым мелодраматическим фильмом в репертуаре кинофестиваля. Но, получив уже международное признание, в Магнитке она удостоилась лишь диплома «Хрустальной слезы». Видимо, слезы очищающие для нашего зрителя пока еще важнее слез, подступающих к глазам от обиды за себя любимых. И это обнадеживает. Впрочем, мнения своего навязывать никому не хочу...

«Хрустальная слеза».

Капля третья

Жаль, что на фестиваль не прибыл ни один из создателей или участников съемок фильма Валерия Тодоровского «Любовь». Такого количества похвал сразу после просмотра не удостоился, пожалуй, ни один из финалистов.

Не стану делать вид, что могу со знанием дела судить о постановке мизансцен, комбинированных съемках и композиции кадра. Не мое это, ибо вообще не входит в компетенцию среднестатистического кинозрителя. Зрителю важнее другое — что пробудил в душе, а к чему оставил равнодушным режиссер...

Не знаю, в каком контексте Валерий Тодоровский говорил о том, что фильм у него «не получился». Было ли это режиссерским кокетством или истинной неудовлетворенностью создателя своим произведением. Но, не оспаривая художественных достоинств этой работы, как зритель скажу одно — для меня в фильме «Любовь» на экране не обнаружилось самой любви. Той самой, которая открывает и заставляет иначе взглянуть на мир. Той, что боится громких слов и пошлых фраз. Той любви, в которой существует постоянная недоговоренность. Потому что она боится неосторожным словом или взглядом спугнуть счастье...

Всего этого нет и не может быть в историях влюбленности двух друзей-студентов в двух совершенно разных девушках. Марина — внучка генерала — обитает в доме, построенном «из одних мемориальных досок». Маша живет в обычной, ничем не примечательной квартире с мамой и бабушкой, где их постоянно доминируют грязной бранью по телефону распоясавшиеся юдофобы. Финал картины, в котором благополучно женившийся на генеральской внучке Вади́м явно тоскует в «золотой клетке», а Сашу неведомая сила влечет в опустевшую после отъезда в «землю обетованную» квартиру Маши, где по-прежнему звонит телефон и ненавязчивый голос выкрикивает оскорбления, наверное, должен убедить зрителя в силе чувств героя. Но не просыпается почему-то что-то в душе. И слезы на глаза тоже почему-то не возвращаются. Слишком много на экране сиюминутной жизни, обнаженных тел и той жизненной правды, которая роднит условность ситуаций с художественным, но все-таки подглядыванием в замочную скважину.

Не сомневаюсь, что найдется немало оппонентов, которые вдребезги разобьют мои доводы и субъективные оценки. Но я и не собираюсь быть истиной в последней инстанции. В оправдание же себе (и в опровержение тоже) приведу напоследок короткий разговор, записанный в день закрытия «Хрустальной слезы» с председателем жюри, народным артистом СССР Арменом ДЖИГАРХАНИАНОМ.

— Армен Борисович, вы относитесь к тому поколению наших актеров, которое рассказывало зрителю о любви с помощью весьма ограниченного набора средств? Сегодня в театре и кинематографе разрешено, практически, все. Как

вы думаете, облегчила или усложнила эта вседозволенность задачу суметь рассказать об одном из сокровеннейших человеческих чувств?

— Облегчила или усложнила?.. Не знаю. Наверно, в знаменитой восточной мудрости о том, что из кувшина может вылиться ровно столько, сколько в нем есть, заключен очень реальный подход к жизни и, следовательно, к искусству. Поэтому, в моем представлении, все допустимо, лишь бы было желание через это о чем-то рассказать, лишь бы в этом был способ попытаться повернуть голову в нужную сторону, чтобы поговорить.

Мой Сократ (я его называю «моим», потому что играл в театре) говорил замечательную фразу: «Любить значит знать, что другой — это ты и любить его. Если это есть в тебе, только тогда разум может подсказать истину».

— Но не кажется ли вам, что современная мелодрама приобрела какую-то агрессивность, девальвируя «высокую» любовь, проповедовавшуюся советским экраном? Если после вашего «Журавушки» верилось в чистое, доброе, вечное, то после «Любви» (сделанной интересно и не без таланта), задумываешься о совсем уж приземленных проблемах...

— По-моему, вы нашли самое точное определение — это агрессивно. И это естественно. Мы ведь с вами знаем печальную аналогию из истории: когда людей вывозили из освобожденного Ленинграда, многие погибали из-за того, что начинали агрессивно брать то, чего долгое время были лишены. То же самое происходит сейчас и с нами.

— А вернемся мы когда-нибудь снова к высоким чувствам?

— Думаю, деваться некуда. Человек все равно восстанавливается даже после самой тяжелой болезни. Сначала поднимается, потом начинает ходить. Может быть, учится этому заново. В искусстве все равно никуда не денешься от человеческого естества. Его можно долго насиловать. Но в конце концов, все опять возвращается на круги своя. Процесс этот сложный. Так что в нынешней печальной агрессивности заложены, наверное, многие наши беды...

К этим словам всенародно любимого актера мне добавить нечего. Разве только...

Маленькое Послесловие

У первого в Магнитке и единственного в России кинофестиваля мелодрамы было пожалуй все. Во всяком случае, для начала. Нашлись спонсоры — генеральные (АО ММК и В. Кудяев) и просто (акционерные общества «Начало», «ЮСТ», «Арго», «Тандем», МПФ «Техинмет», ТОО «Гриф», СП «VAMAG», рекламное агентство «Имидж», страховая компания «СКМ», правобережное отделение Челиндбанка). Был организатор-энтузиаст — главный режиссер Магнитогорского драматического театра им. А. С. Пушкина Валерий Ахадов. Были «звезды», согласившиеся приехать на «Хрустальную слезу». Были цветы, слезы и улыбки благодарных зрителей. Было внимание прессы, радио и телевидения.

И даже то, что в последний момент изменился состав «звездных» гостей, а московская критика, наконец, нашла для себя «разумное» объяснение тому факту, что магнитогорский зритель до сих пор надевает в театр вечерние туалеты (народ, оказывающийся, в Магнитку богатый, одевается хорошо, а наряды в городе показывать больше негде), можно считать мелочами. Слава Богу, что наш зритель так и не научился пока приходить к тем, кого любит и почитает, в «демократических» свитерах и кроссовках. Праздник должен быть праздником. Тем более, что нынешнее правительство не так уж много оставило их в нашем календаре.

А «Хрустальную слезу», действительно, можно было назвать праздником отечественного кино, «запретного» сегодня для россиян по причине широкомасштабных социально-экономических реформ, идущих в стране. Да, современная мелодрама приобрела черты своего времени. Но мы ведь, сами того не заметив, сделали широкий шаг из времени благополучного в безвременье.

И неожиданно вспомнилось, как когда-то один японец, увидев технику, которой наши операторы снимают фильмы, воскликнул: «Народ, который такими средствами делает такое кино — непобедим!» Пришло время дополнить сказанное: народ, который способен снимать такими средствами такое кино о такой жизни, непобедим вдвойне! И с этим, видно, уже ничего не поделаешь.

В. ЗАСПИЧ.

